

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

МЕТЕЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 3

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 3. Произведения
1852–1856 гг. Метель**

«Библиотечный фонд»

1856

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 3. Произведения 1852–1856 гг.
Метель / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1856 — (Весь
Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич Толстой. Метель	5
Предисловие к электронному изданию	6
Фототипия с фотографии Л. Н. Толстого, снятой в 1854 [?] г. (размер подлинника) – между 12 и 13 стр	7
МЕТЕЛЬ. РАССКАЗ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лев Николаевич Толстой. Метель

Государственное издательство «Художественная литература»
Москва – 1935

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#).

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 3-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой.

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 3-му тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в настоящее издание.

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Фототипия с фотографии Л. Н. Толстого, снятой в 1854 [?] г. (размер подлинника) – между 12 и 13 стр

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1851 [?] г.

МЕТЕЛЬ. РАССКАЗ

(1856)

I.

В седьмом часу вечера, я, напившись чаю, выехал со станции, которой названия уже не помню, но помню, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркасска. Было уже темно, когда я, закутавшись в шубу и полость, рядом с Алешкой уселся в сани. За станционным домом казалось тепло и тихо. Хотя снегу не было сверху, над головой не виднелось ни одной звездочки, и небо казалось чрезвычайно низким и черным сравнительно с чистой снежной равниной, расстилавшейся впереди нас.

Едва миновав темные фигуры мельниц, из которых одна неуклюже махала своими большими крыльями, и выехав за станицу, я заметил, что дорога стала тяжелее и засыпаннее, ветер сильнее стал дуть мне в левую сторону, заносить в бок хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снег, разрываемый полозьями и копытами. Колокольчик стал замирать, струйка холодного воздуха пробежала через какое-то отверстие в рукаве за спину, и мне пришел в голову совет смотрителя не ездить лучше, чтоб не проплутать всю ночь и не замерзнуть дорогой.

– Не заблудиться бы нам? – сказал я ямщику. Но, не получив ответа, яснее предложил вопрос: – Чтò, доедем до станции, ямщик? не заблудимся?

– А Бог знает, – отвечал он мне, не поворачивая головы, – вишь, какая поземная расходуется: ничего дороги не видать. Господи-батюшка!

– Да ты скажи лучше, надеешься ты довезти до станции или нет? – продолжал я спрашивать. – Доедем ли?

– Должны доехать, – сказал ямщик и еще продолжал говорить что-то, чего уже я не мог расслышать за ветром.

Ворочаться мне не хотелось; но и проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень невесело. Притом же, несмотря на то, что в темноте я не мог рассмотреть его хорошенько, ямщик мой почему-то мне не нравился и не внушал к себе доверия. Он сидел совершенно посередине, с ногами, а не сбоку, роста был слишком большого, голос у него был ленивый, шапка какая-то не ямская – большая, раскачивающаяся в разные стороны; да и понукал он лошадей не так, как следует, а держа вожжи в обеих руках, точно как лакей, который сел на козлы за кучера, и, главное, не доверял я ему почему-то за то, что у него уши были подвязаны платком. Одним словом, не нравилась и как будто не обещала ничего хорошего эта серьезная, сторбленная спина, торчавшая передо мною.

– А по-моему лучше бы воротиться, – сказал мне Алешка: – плутать-то чтò веселого!

– Господи-батюшка! вишь, несет какая кура! ничего дороги не видать, все глаза залепило... Господи-батюшка! – ворчал ямщик.

Не проехали мы четверти часа, как ямщик, остановив лошадей, передал вожжи Алешке, неловко выпростал ноги из сиденья и, хрустя большими сапогами по снегу, пошел искать дорогу.

– Чтò? куда ты? сбились, что ли? – спрашивал я; но ямщик не отвечал мне, а, отвернув лицо в сторону от ветра, который сек ему глаза, отошел от саней.

– Ну чтò? есть? – повторил я, когда он вернулся.

– Нету ничего, – сказал он мне вдруг нетерпеливо и с досадой, как будто я был виноват в том, что он сбился с дороги, и, медлительно опять просунув свои большие ноги в передок, стал разбирать вожжи замерзлыми рукавицами.

– Чтò ж будем делать? – спросил я, когда мы снова тронулись.

– Чтò ж делать! поедем, куда Бог даст.

И мы поехали тою же мелкой рысью, уже очевидно целиком, где по сыпучему в четверть снегу, где по хрупкому голому насту.

Несмотря на то, что было холодно, снег на воротнике таял весьма скоро; заметь низовая всё усиливалась, и сверху начинал падать редкий сухой снег.

Ясно было, что мы едем Бог знает куда, потому что, проехав еще с четверть часа, мы не видали ни одного верстового столба.

– Чтò, как ты думаешь, – спросил я опять ямщика: – доедем мы до станции?

– До которой? Назад приедем, коли дать волю лошадям: они привезут; а на ту вряд... только себя погубить можно.

– Ну, так пускай назад, – сказал я: – и в самом деле...

– Стало, ворочаться? – повторил ямщик.

– Да, да, ворочайся!

Ямщик пустил вожжи. Лошади побежали шибче, и хотя я не заметил, чтобы мы поворачивали, ветер переменялся, и скоро сквозь снег завиднелись мельницы. Ямщик приободрился и стал разговаривать.

– Анадьсь так-то в заметь обратные с той станции поехали, – сказал он: – да в стогах и ночевали, к утру только приехали. Спасибо еще к стогам прибились, а то все бы чисто позамерзли – холод был. И то один ноги позаморозил, – так три недели от них умирал.

– А теперь ведь не холодно и потише стало, – сказал я: – можно бы ехать?

– Оно тѐпло-то тѐпло, да метет. Теперь взад, так оно полегче кажет; а метет дюже. Ехать бы можно, кабы кульер али чтò, по своей воле; а то ведь шутка ли – седока заморозишь. Как потом за вашу милость отвечать?

II.

В это время сзади нас послышались колокольчики нескольких троек, которые шибко догоняли нас.

– Колокол кульерский, – сказал мой ямщик: – один такой на всей станции есть.

И, действительно, колокольчик передовой тройки, звук которого уже ясно доносился по ветру, был чрезвычайно хорош: чистый, звучный, басистый и дребезжащий немного. Как я потом узнал, это было охотничье заведение: три колокольчика – один большой в середине, с малиновым звоном, как называется, и два маленькие, подобранные в терцию. Звук этой терции и дребезжащей квинты, отзывавшейся в воздухе, был необыкновенно поразителен и странно хорош в этой пустынной, глухой степи.

– Пошта бежит, – сказал мой ямщик, когда передняя из трех троек поровнялась с нами. – А чтò дорога? проехать можно? – крикнул он заднему из ямщиков; но тот только крикнул на лошадей и не отвечал ему.

Звук колокольчиков быстро замер по ветру, как только почта миновала нас.

Должно быть, моему ямщику стало стыдно.

– А то поедомте, барин! – сказал он мне: – люди проехали – теперь же их следок свежий.

Я согласился, и мы снова повернули против ветра и потащились вперед по глубокому снегу. Я смотрел сбоку на дорогу, чтобы не сбиться со следа, проложенного санями. Версты две след был виден ясно; потом заметна стала только маленькая неровность под полозьями, а скоро уже я решительно не мог узнать, след ли это, или просто наметенный слой снега. Глаза

притупели смотреть на однообразное убегание снега под полозьями, и я стал глядеть прямо. Третий верстовой столб мы еще видели, но четвертого никак не могли найти; как и прежде, ездили и против ветра, и по ветру, и вправо, и влево, и наконец дошли до того, что ямщик говорил, будто мы сбились вправо, я говорил, что влево, а Алешка доказывал, что мы вовсе едем назад. Снова мы несколько раз останавливались, ямщик выпрастывал свои большие ноги и лазил искать дорогу; но всё тщетно. Я тоже пошел было раз посмотреть, не дорога ли то, что мне мерещилось; но едва я с трудом сделал шагов шесть против ветра и убедился, что везде были одинаковые, однообразные, белые слои снега, и дорога мне виднелась только в воображении, – как уже я не видал саней. Я закричал: «Ямщик! Алешка!» но голос мой – я чувствовал, как ветер подхватывал прямо изо рта и уносил в одно мгновение куда-то прочь от меня. Я пошел туда, где были сани, – саней не было, пошел направо – тоже нет. Мне совестно вспомнить, каким громким, пронзительным, даже немного отчаянным голосом я закричал еще раз: «Ямщик!» тогда как он был в двух шагах от меня. Его черная фигура с кнутиком и с огромной, свихнувшейся на бок шапкой вдруг выросла передо мной. Он провел меня к саням.

– Еще спасибо – тепло, – сказал он: – а морозом хватит – беда!.. Господи-батюшка!

– Пускай лошадей, пусть везут назад, – сказал я, усевшись в сани. – Привезут? а, ямщик?

– Должны привезть.

Он бросил вожжи, ударил раза три кнутиком по седелке коренную, и мы опять поехали куда-то. Мы ехали с полчаса. Вдруг впереди нас послышались опять знакомый мне охотничий колокольчик и еще два; но теперь они подвигались нам навстречу. Это были те же три тройки, уже сложившие почту и с обратными лошадьми, привязанными сзади, возвращавшиеся на станцию. Курьерская тройка крупных лошадей с охотничьим колокольчиком шибко бежала впереди. В ней сидел ямщик на облучке и бойко покрикивал. Сзади, в середине пустых саней, сидело по двое ямщиков, слышался их громкий и веселый говор. Один из них курил трубку, и искра, вспыхнув на ветру, осветила часть его лица.

Глядя на них, мне стало стыдно, что я боялся ехать, и ямщик мой, должно быть, испытал то же чувство, потому что мы в один голос сказали: «Поедем за ними».

III.

Не пропустив еще последней тройки, мой ямщик стал неловко поворачивать и наехал оглоблями на привязанных лошадей. Одна тройка из них шарахнулась, оторвала повод и поскакала в сторону.

– Вишь, чорт косоглазый, не видит! куда воротит – на людей. Чорт! – принялся ругаться хриплым дребезжащим голосом один невысокий ямщик, старичок, сколько я мог заключить по голосу и сложению, сидевший в задней тройке, живо выскочил из саней и побежал за лошадьми, продолжая грубо и жестоко бранить моего ямщика.

Но лошади не давались. Ямщик побежал за ними, и в одну минуту и лошади, и ямщик скрылись в белой мгле метели.

– Василии-ий! давай сюда буланого: так не пойма-ешь, – послышался еще его голос.

Один из ямщиков, весьма высокий мужчина, вылез из саней, молча отвязал свою тройку, взлез по шлее на одну из лошадей и, хрустя по снегу, спутанным галопом скрылся по тому же направлению.

Мы же с двумя другими тройками, вслед за курьерской, которая, звеня колокольчиком, полной рысью бежала впереди, без дороги пустились дальше.

– Как же! поймает! – сказал мой ямщик на того, который побежал ловить лошадей. – Уж коли к лошадям не пошла, значит – оголтелая лошадь, туда заведет, что и... не выйдет.

С тех пор, как ямщик мой ехал сзади, он сделался как будто веселее и разговорчивее, чем я, так как мне еще спать не хотелось, разумеется, не преминул воспользоваться. Я стал его

расспрашивать, откуда и как и что он, и скоро узнал, что он земляк мне, тульский, господский, из села Кирпичного, что у них земель мало стало, и совсем хлеб рожать перестали земли с самой холеры, что их в семье два брата, третий в солдаты пошел, что хлеба до Рождества не достает, и живут заработками, что меньшой брат хозяин в дому, потому что женатый, а сам он вдовец; что из их села каждый год сюда артели ямщиков ходят, что он хоть не ездая ямщиком, а пошел на почту, чтоб поддержка брату была, что живет здесь, слава Богу, по 120 р. ассигн. в год, из которых сто в семью посылает, и что жить бы хорошо, «да кульеры очень звери, да и народ здесь всё ругатель».

– Ну, чего ругался ямщик-то этот? Господи-батюшка! разве я нарочно ему лошадей оборвал? разве я кому злодей? И чего поскакал за ними! сами бы пришли; а то только лошадей заморит да и сам пропадет, – повторял богобоязненный мужичок.

– А это что чернеется? – спросил я, замечая несколько черных предметов впереди нас.

– А обоз. То-то любезная езда! – продолжал он, когда мы поровнялись с огромными, покрытыми рогожами возами, шедшими друг за другом на колесах. – Гляди, ни одного человека не видать – все спят. Сама умная лошадь знает: не собьешь ее с дороги никак. Мы тоже езжали с рядою, – прибавил он, – так знаем.

Действительно, странно было смотреть на эти огромные возы, засыпанные от рогожного верха до колес снегом, двигавшиеся совершенно одни. Только в переднем возу поднялась немного на два пальца покрытая снегом рогожа, и на минуту высунулась оттуда шапка, когда наши колокольчики прозвенели около обоза. Большая пегая лошадь, вытянув шею и напрягши спину, мерно ступала по совершенно занесенной дороге, однообразно качала под побелевшей дугой своей косматой головой и насторожила одно занесенное снегом ухо, когда мы поровнялись с ней.

Проехав еще с полчаса молча, ямщик снова обратился ко мне.

– А что, как вы думаете, барин, мы хорошо едем?

– Не знаю, – отвечал я.

– Прежде ветер во как был, а теперь мы вовсе под погодой едем. Нет, мы не туда едем, мы тоже плутаем, – заключил он совершенно спокойно.

Видно было, что, несмотря на то, что он был очень трусоват – на миру и смерть красна, – он совершенно стал спокоен с тех пор, как нас было много, и не он должен был быть руководителем и ответчиком. Он прехладнокровно делал наблюдения над ошибками передового ямщика, как будто ему до этого ни малейшего дела не было. Действительно, я замечал, что иногда передовая тройка становилась мне в профиль слева, иногда справа; мне даже казалось, что мы кружимся на очень малом пространстве. Впрочем, это мог быть обман чувств, как и то, что мне казалось иногда, что передовая тройка въезжает на гору или едет по косогору или под гору, тогда как степь была везде ровная.

Проехав еще несколько времени, я увидел, как мне показалось, далеко, на самом горизонте, черную длинную двигавшуюся полосу; но через минуту мне уже ясно стало, что это был тот же самый обоз, который мы обгоняли. Точно так же снег засыпал скрипучие колеса, из которых некоторые не вертелись даже; точно так же люди все спали под рогожами, и так же передовая пегая лошадь, раздувая ноздри, обнюхивала дорогу и настораживала уши.

– Вишь, кружили, кружили, опять к тому же обозу выехали! – сказал мой ямщик недовольным тоном. – Кульерские лошади добрые: то-то он так и гонит дуром; а наши так и вовсе станут, коли так всю ночь проездим.

Он прокашлялся.

– Вернемся-ка, барин, от греха.

– Зачем? куда-нибудь да приедем.

– Куда приехать? уж будем в степи ночевать. Как метет... Господи-батюшка!

Хотя меня удивляло то, что передовой ямщик, очевидно уже потеряв и дорогу, и направление, не отыскивал дороги, а, весело покрикивая, продолжал ехать полной рысью, я уже не хотел отставать от них.

– Пошел за ними, – сказал я.

Ямщик поехал, но еще неохотнее погонял, чем прежде, и уже больше не заговаривал со мной.

IV.

Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать: нос и щеки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться. Изредка сани постукивали по голому, обледенелому черепку, с которого снег сметало. Так как я, не ночуя, ехал уже шестую сотню верст, несмотря на то, что меня очень интересовал исход нашего плутанья, я невольно закрывал глаза и задремывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразил, как мне показалось в первую минуту, яркий свет, освещавший белую равнину: горизонт значительно расширился, черное низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и, когда я посмотрел вверх, мне показалось в первую минуту, что тучи разошлись, и что только падающий снег застилает небо. В то время как я вздремнул, вошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет. Одно, что я видел ясно, это были мои сани, лошади, ямщик и три тройки, ехавшие впереди: первая – курьерская, в которой всё так же на облучке сидел один ямщик и гнал крупной рысью; вторая, в которой, бросив вожжи и сделав себе из армяка *затишку*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.